

А. В. Гура

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
avgura@mail.ru

Об одном архаическом способе символизации в культуре

В традиционном и обыденном сознании присутствует устойчивая ассоциация свадьбы с дракой, ссорой. Существует расхожее мнение носителей народной традиции, что свадьба не обходится без драки. Такое сближение имеет и ритуальное выражение: у польских пастухов Западных Бескид один из обязательных эпизодов игры в свадьбу — драка в корчме после венчания. Почему эти понятия находятся в постоянной коннотативной связи со свадьбой? Возможно, потому, что в конце свадьбы допускается разгул, бесчинства? Или потребление алкоголя вызывает пьяные ссоры? Попытки ответить на этот вопрос давались разные. А. А. Потебня отмечал символическую связь женитьбы и пира (в том числе свадебного) с битвой. Другие видели в имитации драки на свадьбе реликт насильственного умыкания. Но ни одна из этих трактовок не выглядит вполне убедительной. Подобное восприятие свадьбы, как кажется, объясняется проще и лежит в иной плоскости: оно отталкивается не от каких-либо реальных особенностей свадьбы, которые осмысляются путем логического сближения их со ссорой или дракой, а определяется формальным, фонетическим созвучием соответствующих слов. Акустическая близость слов формирует символическую связь стоящих за ними понятий. Названиям свадьбы *свад(ь)ба* и *свар(ь)ба* созвучны соответственно *свада* и *свара*, обозначающие ссору, вражду, драку. Подобные анафорические созвучия ярко представлены в жанре снотолкований: «Свадьба (*сва́бда*) — будет драка (*сва́да*)» (у болгар Баната); «Свадьба (*свадба*) означает ссору (*свађу*)» (у сербов Шумадии); «*Сварьба* — к *сваре*» (в Ярославской губ.).

Снотолкования — один из видов прорицаний, а фонетические созвучия, на которых они строятся, представляют собой род вербальной магии. Магическое значение приписывалось анаграмме в древних поэтических текстах. Она выполняла магическую роль табуистической замены сакральных имен. Принцип звуковой мотивации символики

сновидений известен с глубокой древности. Подобные примеры имеются в ассирийских, древнеегипетских, античных, византийских сонниках.

В традиционной символике сновидений рыба у сербов и хорватов получает в качестве прогноза значение заботы, беспокойства на основе анаграммы *риба* — *брига*, на Русском Севере толкуется как предвестье плача исходя из анафоры *рыба* — *рыдать*, а в Полесье символизирует прибытие гостей по созвучию *риба* — *прибыль*. Корова во сне получает в Полесье ассонансные и рифмованные толкования *корова* — *хвороба* (символ болезни) или *корова* — *корогва* (хоругвь), объясняемая как предвестье болезни или смерти, а также аллитерационное толкование *корова* — на *кровь*. У русских символическая связь ее с плачем обусловлена рифмой: (*видеть*) *корову* — к *рѣву*. В Вологодской области известно анафоническое снотолкование *корова* — *оброк* (напоминание о данном обещании). А на Украине в основе символики коровы как врага лежит анаграмма, почти палиндром: *корова* — *ворог*.

В поэтической речи фонетические созвучия выполняют прежде всего формальную роль — ритмическую, эвфоническую и т. п. Б. Эйхенбаум писал, что стих отличается от не-стиха особенностями звукового порядка, а не смыслового. Звуковые средства (рифма, ассонансы и пр.) имели изначально первостепенное значение в образовании стихотворной речи. В «Слове о полку Игореве» А. Ю. Чернов и С. Л. Николаев выявили систему рифмовки, основанную на хендингах, характерных для скальдической поэзии, и обнаружили ряд смысловых рифм, заключающих в себе магию слова, восходящую к наследию волхвов. Князь Игорь, бегущий из плена горностаем, — пример архаического синкретизма магии (оборотничества) и слова — обращения человека в горностая по вербальному созвучию человека и животного: «*а Игорь князь поскочи горнастаемъ к тростію*».

Магическая функция речи и действенный механизм символизации на основе созвучий присущи также жанру заклинания. Одним из показателей архаики заклинательных формул может служить синкретизм слова и магического действия, когда заклинание представляет собой перформатив, самостоятельный вербальный ритуал. Этимологическую связь слов *змија* и *земља* воскрешают сербские заклинательные формулы от змеиного укуса, о которых писал В. Н. Топоров. Их произносят, прикладывая землю к месту укуса: «*Земља земљу љуби!*» «Земля

землю целует!», «*Земља земљу јела*» <Земля землю (пусть) ест!>. Актуализация смыслового родства слов путем их созвучия задействует и символическую связь между соответствующими реалиями — змеей и землей — по локативному признаку. Звуковая игра в магических целях представлена в заговорах, в которых символическим значением наделяются личные имена, созвучные названиям того, на что направлена сила заклинания: имя *Стоян* у болгар используется для остановки кровотечения, а *Видо* у сербов — для лишения зрения, способности видеть дневной свет (*видело*): «*Видо, видело да не видиш!*»

Наделение зверька ласки символикой ласковости у поляков Малопольши обусловлено анафорой *lasia, lasica* ‘ласка’ и *lasić się* ‘ластиться, ласкаться’. Считается, что за вежливое обращение к ней *pani lasia* она будет ластиться к человеку и укажет ему клад. Символическими связями обрастает также созвучие названия ласки в Полесье (*ласица*) с ее действиями по отношению к скоту — *ласкать, ласкотать* ‘щекотать’, которые сближают ее с русалкой, полудницей, кикиморой и тому подобными персонажами.

В результате народноэтимологического сближения на звуковой основе символическое значение получают дни недели. В северной Болгарии четверг наделяется символикой прочности, здоровья: в четверг (*четвъртък*) на основе анафонического созвучия с прилагательным *чевръст* ‘прочный’ раздают хлеб при рождении ребенка, чтобы ребенок был крепким (*чевръст*). А у словенцев Восточной Штирии вторник считался опасным своей демонической силой: невеста не должна была переходить на житье к жениху во вторник (*torek, -rka*), потому что с ним связано созвучное по названию демоническое существо *tork(lj)a*, которое наказывает пряжу за нарушение запрета пряхь вечером в определенные дни.

Часто фонетический и логический способы символизации действуют совместно. Так, апотропейная символика бороны в ритуальной магии мотивируется не только ее решетчатостью, острыми зубьями, ячейками и узлами-переплетениями, но и сближением омонимов **borna* — как ‘борона’ и как ‘оборона, защита, преграда’, — возможно, сближением вторичным, поскольку разошедшиеся значения, скорее всего, восходят к семантически единому слову. Мотивы воровства в представлениях о воробье связаны с вредом, который он наносит посевам. Отсюда обереги полей от воробьев. Та же символика — в украинской

легенде о том, что птицы за воровство заковали воробью ноги в кандалы, отчего он скачет на обеих ногах. Поддерживается такая символика анафорическим сближением слов *воробей* и *вор*. Хтоническая, связанная со смертью символика ворона определяется его черной окраской и тем, что он питается мертвечиной. У болгар она подкрепляется аллитерацией *гарван* ‘ворон’, *грача* ‘каркать’ и *гроб* ‘могила’. Отсюда болг. диал. *гроб*, *гробник*, *гробар* ‘ворон’ и вербальная имитация его крика: «*гро! гро!*» (т. е. гроб). А у поляков символика кражи применительно к вороне, вызванная ее охотой на цыплят (отчего в гнездо наседке для берега кладут вороньи перья), мотивируется еще и фонетически — анафорой *krakać* ‘каркать’ и *kraść* ‘красть’ (ср. также передачу крика вороны «*kra-aść!*») и анаграммой (анафонией) *wrona* ‘ворона’ — *porwanie* ‘похищение’, *porwać* ‘похитить, выкрасть’.

Мотивация значения на основе созвучий помогает не только понять архаические механизмы символизации в культуре, но и способствует более полному раскрытию смысловых связей слов в этимологических исследованиях.

DOI 10.31168/7996-2700-3.38

Ю. А. Дзицойты

Юго-Осетинский государственный университет
им. А. Тибилова
Цхинвал, Республика Южная Осетия
dzicc@mail.ru

Реликты мифа о похищении сомы в топонимии Южной Осетии

1. Топонимические предания осетин являются неотъемлемым сопровождением каждого агитопонима, играющего сколько-нибудь важную роль в жизни общества. Их историческая ценность весьма условна, поскольку хранящиеся в них сведения не поддаются проверке с помощью существующих исторических источников. Этого нельзя сказать о мифах, представленных в топонимических преданиях: даже те из них, которые сохранились не в полной, завершенной форме,